

Вместе с тем образованность (преимущественно французская) и отчасти легкомысленная широта суждений создали ему репутацию последовательного вольнодумца и вольтерьянца, каким он никогда не был. Подводя итог своей житейской репутации после оскорбительной отставки от всех должностей, Долгоруков насмешливо записал в «Путешествии в Киев»: «Когда я был молод, меня в публике называли атеистом, натуралистом, деистом, потом республиканцем, наконец даже и якобинцем...».¹⁷ Те суждения, которые казались Долгорукову совершенно естественными, шутивными и остроумными, наталкивались на возражения официальной цензуры. Цензуру он считал, как и большинство литераторов начала века, не столько политическим орудием, сколько глупым препятствием на пути разумной мысли. «Какой путешественник с полной свободой опишет нашего края недостатки? Цензура съест и автора, и книгу. Хоть плачь, да все хвали!» — писал он, приступая к очередным путевым запискам.¹⁸ Зная эти сложности, Долгоруков, как видно по дополнениям к текстам, избегал прямых столкновений с цензором, прибегая к автоцензуре своих стихотворений. Действительно, трудно представить, чтобы он с надеждой напечатать включил в подцензурную рукопись те отрывки из «Торжества совести», где речь идет об убийстве Орловыми императора Петра III, и ряда других стихов в адрес «вельмож» и «сатрапов». Однако к 1817 году (время министерства А. Н. Голицына) цензурные требования ужесточились до такой степени нелепости, особенно по духовной части, что Долгоруков уже не мог предугадать решений цензора и вынужден неоднократно констатировать: «цензура не пропустила».

Многочисленные параллели пояснений смысла отдельных стихов и целых пассажей, особенно когда речь идет о лицах, которым они адресованы, можно найти в мемуарных сочинениях Долгорукова, например в «Капище», где по дням года собрано 365 заметок о его знакомых. Вместе с тем рукописные пометы дают и некоторые дополнительные сведения. Так, мы узнаем, что анонимное стихотворение «Стихи к N. N.» из «Иппокрены», адресованные Долгорукову, принадлежат некоей провинциалке Николевой, заочной поклоннице поэта.¹⁹ О недружелюбных отношениях Долгорукова с И. И. Дмитриевым известно давно, и, как писал он в «Капище», «я многие резкие места относил к нему и прямо бил, как в мишень».²⁰ Начиная со скандала с чтением в присутствии И. И. Дмитриева в Московском обществе любителей словесности стихотворения «Невинность», которое Общество отказалось печатать, а Н. Н. Сандунов даже вышел из членов Общества, увидев в нем нападки на Дмитриева, Долгоруков продолжал выражать свое неудовольствие прежним приятелем и даже старое стихотворное послание к нему переименовал в безликое «Сослуживцу». Из примечаний мы узнаем, что стих «Ликуй, холодный себялюбец...» из стихотворения «В последнем вкусе человек» настроенный Дмитриев считал нацеленным именно в него.

¹⁷ Путешествие в Киев С 135.

¹⁸ Славны бубны С 27

¹⁹ Помещено как анонимное в сборнике «Поэты XVIII века» Л., 1972 Т.2 С 488

²⁰ Капище С 106